

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

«Стратегическая культура» в научном дискурсе Китая

© 2021

DOI: 10.31857/S013128120015295-5

Кожухова Кира Евгеньевна

Преподаватель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета. ORCID: 0000-0002-1725-3042. E-mail: kira.kozhuhova@mail.ru.

Аннотация:

Понятие «китайская стратегическая культура» появилось в научном дискурсе КНР в начале XXI столетия, через несколько лет после его концептуализации западными учеными в середине 90-х годов XX века. Китайские политологи стали трактовать стратегическую культуру своей страны с присущей Поднебесной особой спецификой. В результате в содержание данного концепта было включено не просто следование традициям и особенностям национального менталитета при решении вопросов войны и мира, а понимание конфуцианского принципа гармонии в китайской военной стратегии. Понимание указанных особенностей помогает осмыслить «китайскую стратегическую культуру» и обеспечивает возможность выявления логики и смысла поведения КНР на международной арене. Исследование «китайской стратегической культуры» предполагает использование ряда методов научного познания. Ретроспективный анализ позволяет раскрыть генезис понятия «китайская стратегическая культура». Цивилизационный анализ использовался для выработки понимания проявления традиционных ценностей в политике. Сравнительный анализ обеспечил выявление особенностей восприятия «стратегической культуры» в китайском научном дискурсе. В качестве инструментов выявления общего и особенного в понятии «китайская стратегическая культура» был использован метод аналогии.

Ключевые слова:

Китай, стратегическая культура, Сунь Цзы, конфуцианство, гармония, китаецентризм.

Для цитирования:

Кожухова К.Е. «Стратегическая культура» в научном дискурсе Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 136–144. DOI: 10.31857/S013128120015295-5.

VIEW POINT

Strategic Culture in Chinese Scientific Discourse

Kira E. Kozhukhova

Lecturer of the Department of political science of the Institute of international relations and socio-political sciences, Moscow State Linguistic University. ORCID: 0000-0002-1725-3042. E-mail: kira.kozhuhova@mail.ru.

Abstract:

The concept of "Chinese strategic culture" appeared in the scientific discourse of the People's Republic of China at the beginning of the XXI century, a few years after its conceptualization by Western scientists in the mid-90s of the XX century. Chinese political scientists began to interpret the strategic culture of their country with the special "specifics" inherent in the Middle Kingdom. As a result, the content of this concept included not just following the traditions and peculiarities of the national mentality in solving issues of war and peace but understanding the Confucian principle of harmony in Chinese military strategy. Understanding these features helps to understand the Chinese strategic culture and provides an opportunity to identify the logic and meaning of

China's behavior in the international arena. The study of Chinese strategic culture involves the use of a number of methods of scientific knowledge. A retrospective analysis reveals the genesis of the concept of "Chinese strategic culture". Civilizational analysis was used to develop an understanding of the manifestation of traditional values in politics. The comparative analysis provided the identification of the features of the perception of strategic culture in the Chinese scientific discourse. The method of analogy was also used as a tool for identifying the common and special features of the concept of "Chinese strategic culture".

Key words:

China, strategic culture, Sun Tzu, Confucianism, harmony, sinocentrism.

For citation:

Kozhukhova K.E. Strategic Culture in Chinese Scientific Discourse // Far Eastern Affairs. 2021. No. 3. Pp. 136–144. DOI: 10.31857/S013128120015295-5.

Понятие «китайская стратегическая культура» пришло в политологическое общество КНР после развития соответствующей концепции американскими учеными. Как и другие явления и понятия, смысл стратегической культуры был трансформирован в соответствии с китайской спецификой. Так, в классическое понимание стратегической культуры как национальной внешнеполитической модели реагирования на угрозы и применение силы оказался привнесен конфуцианский принцип гармонии, обосновывающий «добродетельное» поведение Китайской Народной Республики на международной арене. В результате «китайская стратегическая культура» представляется уникальным для изучения политическим феноменом, позволяющим понять видение Китаем своего места в мировом порядке, которое проявляется в политическом курсе страны.

Появление феномена «стратегической культуры» Китая в научном дискурсе

Термин «стратегическая культура» был введен в научный и политический дискурс американскими исследователями. Соответствующая концепция получила распространение как объяснительная модель поведения государств на мировой арене в связи с необходимостью обосновать применение силы, в том числе военной, на международной арене. Осмысление стратегической культуры как политического феномена впервые было представлено политологом Джеком Снайдером в докладе «Советская стратегическая культура: последствия для ядерных возможностей», подготовленном для корпорации RAND в конце 70-х годов XX века. В дальнейшем под «стратегической культурой» стала пониматься совокупность исторических, географических и этнических особенностей, которые отражаются во взглядах людей на войну и мир, внешнюю политику и безопасность своего государства. Содержательно феномен стал включать в себя традиции и обычаи нации; ценности, в том числе политические, отражающие менталитет народа определенного государства; ориентации в решении вопросов войны и мира; модели и образцы поведения внешнеполитической деятельности¹. В течение нескольких десятилетий концепция использовалась преимущественно в узких американских научных кругах, но в конце 90-х годов XX века вошла в научный дискурс в других странах мира.

Первопроходцами в изучении «стратегической культуры» самого Китая также стали западные ученые. Американский политолог Аластер Ян Джонстон («Культурный

1. См.: Snyder J. 1977. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (accessed: 01.04.2021).

реализм: стратегическая культура и большая стратегия в китайской истории»²) и его последователь Эндрю Скобелл («Китай и стратегическая культура»³) обратились к стремительно развивающемуся Китаю конца XX столетия, роль которого на мировой арене значительно возросла. Исследователи установили, что политическое поведение Китая невозможно понять без учета исторических или культурных детерминант. Было выявлено и то, что применение силы без ее демонстрации отвечает обычаям Китая в видении им своего ментального и цивилизационного превосходства над другими странами⁴.

Таким образом, феномен «китайской стратегической культуры» оказался в фокусе американских ученых, а в дальнейшем привлек внимание китайских исследователей.

Стратегическая культура Китая как синтез гармонии китаецентризма

Понятие «стратегическая культура» вошло в китайское научное сообщество в начале XXI века вслед за термином «мягкая сила» Джозефа Ная, вызвавшим «большой резонанс в китайских политических и политологических кругах»⁵. Вместе с тем «мягкая сила» в китайском варианте ушла от заложенного Наем продвижения политической идеологии на международной арене с ее навязыванием всеми способами западных демократических ценностей⁶. Аналогичным образом и «стратегическая культура» прошла в Китае своеобразный фильтр восприятия и превратилась в демонстрацию «гармонии» на международной арене и исключительно «добродетельного» применения силы для восстановления равновесия в мире в конфуцианском духе⁷.

Представители китайского научного сообщества акцентируют внимание на гармонии как фокусе национальной стратегической культуры. Директор Института стратегических исследований КНР Юнь Цзиньлин в статье «Гармония: внутреннее содержание традиционной китайской стратегической культуры» отмечает, что последняя «есть важнейшая часть традиционной китайской культуры, воплощение восприятия ведения войны и реализации военной стратегии, применение принципа «гармонии» на практике»⁸. Приведенная характеристика отражает гармоничное содержание понятия «китайская стратегическая культура» с точки зрения национального политологического дискурса. Корни такого понимания восходят к конфуцианству. Как известно, китайская культура в общем смысле ассоциируется с Конфуцием, который считал истинной драгоценностью мир⁹. Отсюда делается вывод, что страна предпочитает гармонию конфликту, а оборону

-
2. См.: Johnston Alastair Iain. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton Studies in International History and Politics. 1999.
 3. Scobell A. China and Strategic Culture. University Press of the Pacific. 2004. 39 p.
 4. См.: Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2012. № 2. С. 91–102.
 5. Лю Цзайцзи. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4. С. 150.
 6. См.: Ци Юэшиэн. Внешняя культурная политика Китайской Народной Республики в условиях глобализации: дис.... канд. полит. наук. Моск. гос. лингвист. ун-т, Москва, 2018. С. 68.
 7. См.: Kwong-loi Shun. Resentment and forgiveness in Confucian thought. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/48497081.pdf> (accessed: 01.04.2021).
 8. Чжунго чжаньлюэ вэньхуа хуаньчэн юй фачжань : [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин, Шиши чубаньшэ, 2008. С. 56.
 9. См.: Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит-ра, 2006. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. 2009. С. 125.

нападению¹⁰. Юнь Цзиньпин в этой связи отмечает, что концепция гармонии является основополагающей для китайской стратегической культуры ввиду ее интегративного потенциала для всех философских учений, эту культуру формирующих¹¹.

Важной характеристикой национального научного политологического дискурса выступает признание того, что китайская цивилизация является одной из древнейших в мире. То есть ее стратегическая культура складывалась в течение длительного времени, она стабильна и морально добродетельна, вобрала лучшее от конфуцианства и военного учения Сунь Цзы, является интегральным воплощением обширного исторического опыта, политической практики и традиций и представляет собой предмет особой гордости китайского народа¹².

Особая китайская картина мира также выделяется научным сообществом КНР как отличительная черта «китайской стратегической культуры». Политолог Гун Юйчжэн в работе «Наследование и развитие стратегической культуры Китая»¹³ называет следующие характеристики стратегической культуры своей страны:

- преемственность и передача этой культуры из поколения в поколение с учетом вневременного характера китайской цивилизации и восприятия своей истории как вечной¹⁴;

- отсутствие в стратегической культуре гегемонизма и стремление к космополитизму. С точки зрения китаецентризма, космополитизм привлекателен для союзников, чем способствует расширению влияния Китая;

- народный характер «китайской стратегической культуры». К последнему относятся и историческая память, акцентирующая внимания на единстве населения Китая как народа, всеохватность «стратегической культуры», что выражается, например, в официальном названии вооруженных сил (Народно-освободительная армия Китая), концепции «народной войны», партизанской по своей сущности и т.д.¹⁵.

Стоит также отметить, что создание положительного международного имиджа КНР является одной из стратегий правительства страны по продвижению конструктивного руководства и передового мышления. Считается, что наращивание политической энергии с помощью международной коммуникации приводит к росту потенциала Поднебесной на мировой арене, международной поддержке Китая¹⁶. Тем самым и китайская стратегическая культура ориентирует на обеспечение восприятия Китая с лучшей стороны во всех областях, что выражается в «мягкосиловом» подходе к формированию международного имиджа страны.

10. См.: *Feuchtwang Stephan*. "Chinese religions", in Woodhead, Linda; Kawanami, Hiroko; Partridge, Christopher H. (eds.), *Religions in the Modern World: Traditions and Transformations* (3rd ed.), London: Routledge, 2016. P. 143–172.

11. См.: Чжунго чжаньлюэ вэньхуа хуаньчэн юй фачжань : [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин, Шиши чубаньшэ, 2008. С. 57.

12. См.: Чжунго чжаньлюэ вэньхуа хуаньчэн юй фачжань : [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин, Шиши чубаньшэ, 2008. С. 8–9.

13. См.: Чжунго чжаньлюэ вэньхуа хуаньчэн юй фачжань : [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин, Шиши чубаньшэ, 2008. С. 64.

14. Также см.: *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит-ра, 2006. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. 2009. С. 27.*

15. См. также: *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит-ра, 2006. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. 2009. С. 18–26.*

16. См.: *Чжоу Синьминь*. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая / пер. с кит. М.: Издательство «Весь мир», 2019. С. 86–87.

Вместе с тем наряду с демонстрацией официальной «миролюбивой» позиции на международной арене научное сообщество Китая открыто заявляет о глобальных намерениях своего государства и их пространственной интерпретации в «стратегической культуре». Об этом свидетельствует, например, то, как характеризуются направления и приоритеты реализации «китайской стратегической культуры»¹⁷. В первую очередь, выделяется «взаимное заимствование между культурами и стратегическим культурами стран мира». Во-вторых, «развитие тенденций глобализации мировой экономики, позволяющее нам (Китаю — прим. автора) активно работать в ВТО». Третьим направлением называется «сохранение разнообразия культур, способствующее борьбе с гегемонизмом». В научной же литературе на китайском языке обнаруживаются признаки экспансионистских устремлений Китая. То есть понимание «стратегической культуры» исследователями может отличаться от официальной внешнеполитической риторики.

«Китайская стратегическая культура» в политической практике

Глобальная картина мира и амбиции, являющиеся составными частями «китайской стратегической культуры», дают импульс для ее теоретического осмысления. Как известно, политический курс страны стабилен, внешней политике несвойственны бифуркации, колебания и резкие перемены. Даже переосмысление внешнеполитических трендов, начатых предшественниками, редко воплощается в кардинально новые направления¹⁸. Все это соответствует традиционным установкам (канонам) «стратегической культуры», выражающейся в стремлении сохранять существующие достижения и идеалы народа и адаптировать их к изменениям мира. Фактически традиционная основа внешней политики страны была изложена еще китайским военным теоретиком Чжугэ Ляном (II–III вв.) в «Записках о верном полководце»: «Искусство несомненной победы, обретение гармонии (курсив автора) с изменениями зависят от возникающих возможностей»¹⁹.

Пространственное измерение китайской стратегической культуры в современных условиях означает присутствие страны практически во всех регионах мира, включая не только Евразию, но и более удаленные регионы. Такой подход имеет исторические корни. Еще в XV веке китайский адмирал Чжэн Хэ направил свои корабли в Африку и юго-восточную Азию. В XXI веке уже КНР реализует проект «Экономический пояс шелкового пути XXI века и Морского шелкового пути» по тем же направлениям²⁰. Однако в современных условиях исследовательский дух уступил место экономическому: Африка воспринимается КНР как помощник, который «использует избыточные возможности Китая для реализации крупных реформ в глобальной производственно-сбытовой цепочке»²¹ и для возрождения своего собственного производственного потенциала. Стремясь занять более достойное место в мире, КНР пришла в Африку для обретения союзников в меж-

17. См.: Чжунго чжаньлюэ вэньхуа хуаньчэн юй фачжань : [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин, Шиши чубаньшэ, 2008. С. 11–12.

18. См.: Ю Хань. Развитие современной внешней политики КНР // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки: научное издание, 2016. С. 84–91.

19. См. Китайское искусство войны. Постигание стратегии. Чжугэ Лян и Люцзи / сост. Т. Клири. 2-е изд. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. С. 114.

20. См.: Кэньнян сюэчжэ: «И дай и лу» Чаньйи вэй фэйчжоугоця дайлай лишисин фачжаньцзиной : [Кенийские ученые: инициатива «Один пояс — один путь» открывает исторические возможности для развития африканских стран]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-05/14/c_1124493963.htm (дата обращения: 01.04.2021).

21. Гуаньюй фэйчжоу цун Чжунго «И дай и лу» Чжаньлюэ чжун хой дэ сыкао : [Размышления о преимуществах, которые Африка получает от стратегии Китая «Один пояс — один путь»]. URL: <https://www.focac.org/chn/zfzs/t1661991.htm> (дата обращения: 01.04.2021).

дународной борьбе, а также в интересах создания «лобби» в ООН в поддержку своей позиции в отношении Тайваньской проблемы²². С каждой союзнической африканской страной Китай подписывает пакет документов, конкретизирующий направления сотрудничества²³, пакет этот может расширяться, фактически все теснее привязывая Африку.

В поле потенциального присутствия КНР вошла и Арктика, к проникновению в которую Китай подходит со всей серьезностью, претендуя на статус приарктического государства. Арктическое направление стало важной частью внешнеполитического курса КНР. Достаточно упомянуть Белую книгу 2018 года, в которой содержится чисто китайское видение региона: «Китай выступает за создание сообщества единой судьбы человечества и является активным участником, строителем и вкладчиком в арктические дела, стремится внести вклад китайской мудрости и могущества в развитие Арктики»²⁴. То есть фактически — это следование подходу, когда Китай придерживается косвенных путей продвижения к поставленной цели и терпеливого накопления, казалось бы, неочевидных преимуществ, что по заветам китайских военных канонов выражается и претворяется даже в таком регионе как Арктика.

Немаловажно то, что построение гармоничного мира с китайской спецификой связано с концепцией «глобального управления», которая также вошла в научные круги Китая и активно развивается²⁵. «Гармоничный мир» представляет собой альтернативный взгляд КНР на современный миропорядок, предполагая глобальное добрососедство как истинную мировую гармонию. Общие угрозы, такие как «три силы зла» (терроризм, экстремизм и сепаратизм) усиливают международное сотрудничество с КНР, осуществляемое для ее блага. Как комментируют ситуацию российские исследователи, «в Китае осознают расширение своего лидерского потенциала и стремятся сделать его реализацию максимально полезной и безболезненной для международного сообщества — именно поэтому Китай использует своеобразную тактику «заполнения лагун»: он оказывается наиболее активен в тех сферах, где еще не сформировались четкие и устойчивые механизмы международного взаимодействия, остро реагирующие на появление новых игроков (наиболее яркий пример — экологическая тематика), или же стремится перевести переговоры на новые площадки, которые либо создавались с его участием (ШОС, БРИК), либо бессмысленны без него (АТЭС, «группа двадцати»)»²⁶.

Между тем еще в военном трактате «Гуй Гу-цзы» обнаруживается квинтэссенция мысли национальной философской школы в области внешней политики и стратегической культуры: «В применении стратегических планов... союз с другими людьми предпочтительнее действия ради собственной выгоды. Действуя скрытно, можно заключать самые прочные союзы, так что между его участниками не будет ни малейшего разлада»²⁷. Таким образом, китайская цивилизация на протяжении всей своей истории стремилась использовать все, что находилось в зоне влияния, для своего процветания и раз-

22. См.: Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН. 2008. С. 106.

23. См.: Чжунго чжаньлюэ вэньхуа хуаньчэн юй фачжань : [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин, Шиши чубаньшэ, 2008. С. 117.

24. Чжунгодэ бэйцзи чжэнцэ Байпишу : [Белая книга «Политика Китая в Арктике»].

URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 01.04.2021).

25. См. Е Цзян. Цюаньцю чжили юй чжунго дэ даго чжаньлюэ чжуансин : [Глобальное управление и Большая стратегия Китая]. Бэйцзин: Шиши чубаньшэ, 2010.

26. Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай на пути к «сверхдержаве»: сколько осталось пройти? // Обозреватель. 2011. № 4 (255). С. 78–91.

27. Тайный канон Китая / сост. В. Малявин. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 78.

вития. Речь идет в том числе и об использовании ресурсов и потенциала соседей и зарубежных партнеров, как экономического, так и военного²⁸.

Китайская мудрость и хитрость, элементы «стратегии обмана» не могут не проявляться в формировании отношений КНР с другими державами. Придерживаясь выработанных некогда установок, страна «мягкими» средствами и «непрямыми действиями» укрепляет свое положение в мире, используя участие в разнообразных экономических и военных союзах, лидерства в которых добивается, опираясь на традиционные подходы и образцы поведения на международной арене.

О значимости исследований «китайской стратегической культуры» для России

Поскольку исследование «китайской стратегической культуры» в отечественной науке все еще развито недостаточно, то ее изучение российским научным сообществом в условиях высокой динамики мирового политического процесса приобретает особую актуальность. Китайская Народная Республика является ближайшим и активно развивающимся соседом нашей страны, между двумя государствами сложилась и развивается устойчивая система международных связей, закрепленных в договорной форме. Интересы дальнейшего развития двусторонних связей и взаимодействий с учетом отстаивания интересов России обуславливают необходимость понимания и объективной оценки намерений и политического курса Китайской Народной Республики как в отношении нашей страны, так и на региональном и глобальном уровнях.

Знание и учет особенностей «китайской стратегической культуры», построенной на декларируемых принципах гармонии, китаецентризма и особого значения исторической памяти, позволит Российской Федерации вести корректную и эффективную политику в отношении своего соседа на основе взвешенных оценок и прогнозов. Осознание смысла и логики «китайской стратегической культуры» способствует пониманию механизма выработки и реализации политического курса страны, что может стать базой принятия решений, моделирования стратегии взаимоотношений с Китаем на ближайшие годы и долгосрочную перспективу.

Кроме того, исследование концепции «китайской стратегической культуры», сопоставление ее с иными подобными феноменами, может оказаться востребованным для формирования и реализации концепции российской стратегической культуры, на основе которой должна в идеальном случае выстраиваться внешняя политика России. Сложившийся в нашей стране дефицит стратегического мышления²⁹, отмечаемый специалистами, и потребность в преодолении трудностей, связанных с поддержанием идентичности нации, ориентируют на разработку национальной стратегической культуры, которая должна стать основой долгосрочного и устойчивого политического курса, в том числе поведения России на мировой арене. Эта задача, разумеется, требует изучения зарубежного опыта, в том числе китайского.

В заключение отметим, что принцип гармонии» китаецентризм и выраженная историческая память, включенные в смысл и содержание понятия «китайская стратегическая культура», обуславливают особое видение научным сообществом КНР данного политического концепта. Понимание традиционных канонов и специфики китайской стратегической культуры, механизмов и последствий ее проявления на практике позволит достоверно и своевременно диагностировать, идентифицировать и прогнозировать

28. См.: Бергер Я. Эволюция геополитических взглядов в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 23–37.

29. См.: Белозёров В.К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. № 1. С. 19–26.

развитие политического курса КНР и смысл конкретных шагов, заблаговременно принимая необходимые меры. Такой подход является необходимым условием для совершенствования политического курса Российской Федерации в отношении Китая.

Литература

- Белозёров В.К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. № 1.
- Бергер Я. Эволюция геополитических взглядов в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4.
- Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН. 2008.
- Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит.-ра, 2006. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. 2009.
- Е Цзян. Цюаньцю чжили юй чжунго дэ даго чжаньлюэ чжуансин : [Глобальное управление и Большая стратегия Китая]. Бэйцзин: Шиши чубаньшэ, 2010.
- Китайское искусство войны. Постигание стратегии. Чжугэ Лян и Люцзи / сост. Т. Клири. 2-е изд. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012.
- Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай на пути к «сверхдержаве»: сколько осталось пройти? // Обозреватель. 2011. № 4 (255).
- Лю Цайцзи. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4.
- Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2012. № 2.
- Тайный канон Китая / сост. В. Малявин. М.: РИПОЛ классик, 2018.
- Цзи Юэшиэн. Внешняя культурная политика Китайской Народной Республики в условиях глобализации: дис.... канд. полит. наук. Моск. гос. лингвист. ун-т, Москва, 2018.
- Чжоу Синьминь. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая / пер. с кит. М.: Издательство «Весь мир», 2019.
- Ю Хань. Развитие современной внешней политики КНР // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки: научное издание, 2016.
- Feuchtwang Stephan. "Chinese religions", in Woodhead, Linda; Kawanami, Hiroko; Partridge, Christopher H. (eds.), Religions in the Modern World: Traditions and Transformations (3rd ed.), London: Routledge, 2016.
- Johnston Alastair Iain. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton Studies in International History and Politics. 1999.
- Kwong-loi Shun. Resentment and forgiveness in Confucian thought. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/48497081.pdf> (accessed: 01.04.2021).
- Scobell A. China and Strategic Culture. University Press of the Pacific. 2004.
- Snyder J. 1977. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (accessed: 01.04.2021).
- Чжунго чжаньлюэ вэньхуа хуаньчэн юй фачжань : [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин, Шишичубаньшэ, 2008.
- Чжунгодэ бэйцзи чжэнцэ Байпишу : [Белая книга «Политика Китая в Арктике». URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 01.04.2021).

References

- Belozherov V.K. Deficit strategicheskogo myshleniya i imperativy ego preodoleniya. Razmyshleniya posle Venskoj konferencii po strategii : [Lack of strategic thinking and the imperatives of overcoming it. Reflections after the Vienna Conference on strategy] // Vlast'. 2020. № 1.
- Berger Ya. Evolyuciya geopoliticheskikh vzglyadov v Kitae : [The Evolution of Geopolitical Views in China] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2010. № 4.
- Dejch T.L. Afrika v strategii Kitaya : [Africa in China's strategy]. M.: Institut Afriki RAN. 2008.

- Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 5 t. : [Spiritual Culture of China: Encyclopedia: in 5 vols.] / gl. red. *M.L. Titarenko*. In-t Dal'nego Vostoka. M.: Vost. lit-ra, 2006. T. 4. Istoricheskaya mysl'. Politicheskaya i pravovaya kul'tura / red. *M.L. Titarenko* dr. 2009.
- E Jiang*. Quanqu zhili yu Zhongguo de daguo zhanlue zhuangxing : [Global Governance and China's Grand Strategy]. Beijing, Shishichubanshe, 2010.
- Feuchtwang Stephan*. "Chinese religions", in Woodhead, Linda; Kawanami, Hiroko; Partridge, Christopher H. (eds.), Religions in the Modern World: Traditions and Transformations (3rd ed.), London: Routledge, 2016.
- Ji Yuesheng*. Vneshnyaya kul'turnaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v usloviyah globalizacii : [Foreign cultural policy of the People's Republic of China in the context of globalization]: dis.... kand. polit. nauk. Mosk. gos. lingvist. un-t, Moskva, 2018.
- Johnston Alastair Iain*. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton Studies in International History and Politics. 1999.
- Kitajskoe iskusstvo vojny. Postizhenie strategii. Zhuge Liang i Liuji : [Chinese art of War. Understanding the strategy. Zhuge Liang and Liuji] / sost. *T. Kliri*. 2-e izd. SPb.: EVRAZIYA, 2012.
- Kwong-loi Shun*. Resentment and forgiveness in Confucian thought.
URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/48497081.pdf> (accessed: 01.04.2021).
- Luzyanin S.G., Mamonov M.V.* Kitaj na puti k «sverhderzhave»: skol'ko ostalos' proiti? : [China is on the way to the superpower. How much is left to go?] // Obozrevatel'. 2011. № 4 (255).
- Lyu Czajci*. «Myagkaya sila» v strategii razvitiya Kitaya : ["Soft power" in China's development strategy] // Polis. 2009. № 4.
- Ozhiganov E.N.* Strategicheskaya kul'tura: ponyatie i napravleniya issledovanij : [Strategic culture: the concept and the directions of research] // Vestnik RUDN. Ser. Politologiya. 2012. № 2.
- Scobell A.* China and Strategic Culture. University Press of the Pacific. 2004.
- Snyder J.* 1977. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (accessed: 01.04.2021).
- Tajnyj kanon Kitaya : [The Secret Canon of China] / sost. *V. Malyavin*. M.: RIPOL klassik, 2018.
- Yu Han'*. Razvitie sovremennoj vneshnej politiki KNR : [Development of modern China's foreign policy] // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki: nauchnoe izdanie, 2016.
- Zhongguo zhanlue wenhua chuangcheng yu fazhan : [Legacy and development of Chinese strategic culture]. Beijing, Shishichubanshe, 2008.
- Zhongguode beiji zhengce Baipishu : [White Paper China's Policy in the Arctic].
URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (accessed: 01.04.2021).
- Zhou Xinmin*. Rukovodstvo Xi Jinpina i budushchee Kitaya : [Xi Jinping's Leadership and China's Future] / per. S kit. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2019.